

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Анна
Ветлугина

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Анна Михайловна Ветлугина
Данте Алигьери
Серия «Жизнь замечательных
людей», книга 1822

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68321648
Данте Алигьери: Молодая гвардия; М.; 2020
ISBN 9785235046986

Аннотация

Фигура Данте окутана ореолом мистики, а его «Божественная комедия» беспрерывно продолжает будоражить умы. Современных писателей, кинематографистов и даже разработчиков компьютерных игр особенно вдохновляет тема ада. Это неудивительно: великий поэт упрятывал туда своих врагов, описывая подлинные обстоятельства их смерти. Описывая... а может быть, предчувствуя или даже создавая? Ведь время возникновения черновиков «Комедии» никому не известно. Зато сохранились документы судебного процесса XIV века, где обвиняемый заявил, что пользовался услугами величайшего мага Италии – магистра Алигьери. Данте имел связи с загадочным и зловещим орденом тамплиеров. А жители Вероны будто бы явственно видели на лице поэта следы адского пламени. Но это лишь одна сторона личности гения. Другая – наполнена

светом неземного чувства к Беатриче – рано умершей подруге детства. Эта любовь выводит поэта из мрака преисподней, через тяготы чистилища в небесную обитель рая.

Содержание

Великий современник	6
Пролог первый. Почему... Данте?	11
Пролог второй. Убить Данте	22
Глава первая. Драгоценные шарики	31
Глава вторая. Девочка и предательство	55
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Анна Ветлугина

Данте Алигьери

© Ветлугина А. М., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2020

Великий современник

Много или мало мы знаем об истории?

С одной стороны, много: одно лишь итальянское Средневековье, о котором идет речь в этой книге, оставило после себя громадное количество хроник, мемуаров, писем, деловых бумаг, которые досконально изучили поколения историков. С другой стороны, огорчительно мало – даже о таких знаменитейших людях той эпохи, как Данте Алигьери. Важные моменты их биографии скрыты завесой молчания, неизвестны истинные мотивы их поступков, обстоятельства семейной и личной жизни, многие черты характера. Нашим современникам, интересующимся всем этим, остается прибегать к услугам романистов, в меру сил закрашивающих оставленные историками белые пятна. Это таит в себе угрозу: воображение часто уводит писателя слишком далеко от истины, искажая не только обстоятельства событий прошлого, но и их суть. Такие отступления от истины особенно сильны в русской литературе, где писательский субъективизм десятилетиями дополнялся сознательной фальсификацией в духе господствующей идеологии. Неменьший вред причиняет – и на Западе, и у нас – коммерческое освоение исторических событий, приносящее истину в жертву цветистой, пошло-романтической сказке.

В этих условиях можно только порадоваться наличию ли-

тераторов, которые в своих произведениях описывают реальную, а не скроенную по голливудским лекалам жизнь исторических персонажей, заполняя лакуны в их биографиях бережно и аккуратно. Именно такова книга о Данте, созданная Анной Ветлугиной – писательницей, музыкантом, композитором, хорошо знакомой с Италией и ее древней культурой. Ей удалось уйти как от сухого пересказа обстоятельств жизни героя, так и от неудержимого фантазирования, которое в данном случае особенно соблазнительно. Всегдашнее бунтарство Данте, его пылкая и в то же время совершенно бесплотная любовь к Беатриче, его скитания по нездешним мирам – все это соблазняет объявить его пророком, безумцем, адептом тайных знаний... Короче, кем угодно, только не обычным (пускай и гениальным) человеком своей эпохи. Между тем герой книги Ветлугиной – именно такой человек. Мальчик, зябнувший от холода телом и душой в доме сурового, нелюбимого отца. Юноша, мечтающий о любви и творчестве и добившийся высшей цели, обессмертив в творчестве свою любовь. Политик, потерпевший провал из-за своей гордости и несгибаемости, отвечающих его истинному имени Дуранте – «твердый». Поэт, впервые решившийся писать о высоких материях «кухаркиной речью», из которой с его легкой руки вырос итальянский литературный язык.

Главный порок современных романов, в том числе исторических – малолюдзе. Их населяют картонные люди-функции, люди-маски, оттеняющие облик главного героя, обыч-

но до смешного похожего на автора. Книга Ветлугиной (как и ее предыдущие труды) не такая: в ней живут и беседуют живые, не похожие друг на друга персонажи. При этом говорящие и думающие именно так, как говорили и думали итальянцы XIII века – без неуместных новаций, которыми щедро усеяны псевдоисторические книги и особенно фильмы. Этому неторопливому стилю средневековых хроник вольно или невольно следует и автор, что придает написанному ею дополнительную убедительность. Перед читателем словно наяву проходят персонажи – нелюбимая, страдающая жена Данте Джемма Донати, ее жестокий кузен Корсо Донати, вынудивший поэта покинуть родную Флоренцию, коварный друг героя Гвидо Кавальканти, их общая, одна на двоих, возлюбленная Джованна – мимолетная «земная любовь» Данте в отличие от любви небесной, вечной – Беатриче. Ее тень витает над страницами романа, как витала некогда над всей жизнью Данте с его первой – в девять лет! – встречи с девочкой в красном платье. Важная деталь: принято считать, что поэт общался со своей Донной лишь дважды, но у Ветлугиной описаны их куда более частые встречи и разговоры. Это больше похоже на правду: жить рядом с предметом любви и не перекинуться с ней ни словом, ни взглядом сложно даже для такого робкого влюбленного, каким был Данте. Беатриче в романе предстает не поэтическим идеалом, а живой девушкой – умной, обаятельной, практичной. Умелыми штрихами писательница рисует черты ее и других персона-

жей, вплоть до самых незначительных вроде няньки Паолы. Есть и герой-загадка, герой-символ – птичник Луций, провожающий героя на земном пути, как Вергилий провожал в неземном странствии его поэтического двойника.

Великому творению Данте – «Комедии», получившей века спустя эпитет «божественной», – в книге уделено не так уж много места, как и другим сочинениям поэта. Это вполне оправданно: перед нами не трактат о творчестве Данте, а его художественная биография, где жизнь самого автора, его мысли и чувства важнее приключений его героев. Жаль, что неподготовленный читатель остается в неведении о содержании «Комедии», о ее связи с историей, литературой, богословием той эпохи, нашедших в лице Данте гениального, хотя и резко пристрастного истолкователя. Но это легко исправить, обратившись к самой поэме – к любому из пяти ее русских переводов, хотя предпочтительнее, конечно, привычный перевод Михаила Лозинского с подробными комментариями. К сожалению, научно-популярных работ о Данте в нашей стране не выходило уже полвека, со времен книги Ильи Голенищева-Кутузова в серии «ЖЗЛ». Но, конечно, такие работы еще появятся – ведь при всей своей «средневековости» мысли и чувства великого флорентийца близки нам, как мысли и чувства всех истинных гениев. А значит, Данте остается нашим современником, что еще раз подтверждает увлекательная книга Анны Ветлугиной.

Кандидат исторических наук
Вадим Эрлихман

Пролог первый. Почему... Данте?

В мире литературы известны яркие, бесспорно гениальные произведения – своеобразные текстовые глыбы, сравнимые разве что с высокими труднодоступными горами. Эти громады властно отбрасывают вокруг себя густую тень, надолго скрывающую все остальное. Таковы, например, «Илиада» и «Одиссея» Гомера, знаменитые пьесы Шекспира, «Дон Кихот» Сервантеса. В этот, весьма ограниченный, шорт-лист великих книг всех времен и народов, несомненно, входит и «Божественная комедия» Данте Алигьери.

Литературные памятники живут долго – многие десятилетия и даже века. Но следует признать, что пищей для ума новых поколений они не служат. Высокое слово классика сиюминутно не воспринимается, не настраивает на панибратство, да и читателя больше «цепляют» современные, пусть и не столь выдающиеся тексты. Иногда классические шедевры пытаются переосмыслить, осовременить в экранизациях или театральных постановках. Подобные авангардные версии вызывают противоречивые эмоции: кто-то не признает их вообще, довольствуясь первоисточником, другие проявляют кратковременный, быстро угасающий интерес. Все эти каверы и кроссоверы, сколь бы талантливы ни были их создатели, все же не смогут стать базисом подлинной культуры, да и не должны – ведь они вторичны по определению.

В итоге литературные памятники так и остаются холодными заснеженными вершинами. На них благоговейно взирают издали. Самые смелые из читателей могут даже подняться и, борясь с недостатком кислорода, полюбоваться их величественной красотой с более близкого расстояния. Но остаться на этой высоте жить, тем более, что называется, «расти» на этих книгах, мягко говоря, сложновато.

Кажется, что «Божественная комедия» Данте полностью подпадает под определение ценного музейного экспоната мировой литературы. Она не только описывает малопонятные, не встречающиеся в обычной жизни вещи и события, но и язык повествования выбран, словно специально для того, чтобы испытать читателя на прочность. Стихи, да еще и неквадратные. Терцины. Зачастую Данте даже приписывают изобретение данной рифмовки. Но, по словам самого поэта, автором столь изящной стихотворной формы был его учитель – Брунетто Латини. Данте же использовал терцины потому, что в числе «три» видел образ Пресвятой Троицы.

Какую актуальность в наши дни сплошного экшена может иметь толстенный фолиант возвышенной поэзии? Казалось бы, она должна стремиться к нулю. А между тем с середины XX века интерес к творчеству флорентийского гения постоянно растет. Хорхе Луис Борхес в 1982 году создал «Девять эссе о Данте» с цитатами из «Божественной комедии». В 1949 году Дерек Уолкотт, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе, находясь под влиянием Данте, напи-

сал «Эпитафии на молодых: XII песен»¹.

К концу XX столетия пиетет перед «Божественной комедией» в статусе литературного памятника постепенно сменяется прямо-таки нездоровым интересом. В Америке особым трендом становится переосмысливать и использовать творение Данте в своих текстах. В 1976 году американские писатели Ларри Нивен и Джерри Пурнель создают продолжение «Божественной комедии» – роман «Инферно»². По сюжету некий фантаст во время встречи с читателями умирает и попадает в ад, где почему-то главенствует Муссолини. Более тридцати лет спустя, в 2009 году, появляется «продолжение продолжения» – роман этих же авторов «Побег из ада»³. И одна из создательниц афроамериканской литературной традиции, писательница Глория Нейлор в своем романе 1985 года «Линден Хиллз»⁴ использует «Ад» великого флорентийца, чтобы рассказать о путешествии двух темнокожих поэтов, пытающихся заработать в домах богатых соотечественников накануне Рождества.

В 2002 году еще один американец – Ник Тошес издает роман «Рукою Данте». По его сюжету подлинная рукопись «Божественной комедии», оказывается, исчезла много столетий назад. Теперь она найдена – и об этом удивительном фак-

¹ «Epitaph for the Young: XII Cantos» (англ.).

² «Inferno» (лат.).

³ «Escape from Hell» (англ.).

⁴ «Linden Hills» (англ.).

те становится известно американскому исследователю творчества Данте. Но сенсация мирового масштаба быстро превращается в неразрешимую загадку. Финал литературного памятника написан явно не флорентийским гением. Но кем же?

Весь этот список литературы достаточно известен за пределами Америки, но первую строку рейтинга современных дантовских фанфиков, несомненно, занимает «Инферно» Дэна Брауна (2013). Писатель сделал историю создания «Божественной комедии» и ее содержание одной из главных сюжетных линий своего романа. Книга вызвала большой интерес во всем мире, включая Россию. Причем ее почитатели – вовсе не утонченные знатоки и любители Средневековья, а широкая читательская аудитория. Ничего удивительного: действие романа происходит в наше время, а сам текст представляет собой качественный детектив со всеми признаками жанра – злодеем, погоней, тайным обществом, опасными агентами. Главный герой уже известен читателю по предыдущей нашумевшей работе Брауна «Код да Винчи». И снова он исследователь. Утонченный эстет и специалист по не слишком расхожим вещам – истории искусства и символизму, – американский профессор.

Уже от этого шедевра популярной литературы многие «настоящие» ценители Данте могли бы брезгливо скривиться. Но им пришлось пережить еще большее оскорбление. В 2010 году появилась компьютерная игра «Dante's

«Inferno» («Ад Данте») – кровавый боевик, главный герой в которой – гений всех времен и народов Данте Алигьери.

Исполнительный продюсер Джонатан Найт отзывается о «Dante's Inferno» так: «Сюжет построен на первой части поэмы, в которой Данте отправляется в ад, чтобы вернуть душу своей возлюбленной Беатриче, которую похитил сам Люцифер. Главному герою предстоит пройти через девять кругов ада: лимб, сладострастие, чревоугодие, жадность, гнев, ересь, насилие, обман и предательство... Это замечательная возможность объединить великолепную игру с великолепным сюжетом».

Сюжет и вправду оказался крайне подходящим для виртуальной реальности. Динамичная «бродилка» по фантастическому, но очень подробно и четко выстроенному миру. В описании игру называют «высокотехнологичным боевиком от третьего лица». Но «технологии» здесь применимы, скорее, к высокому качеству анимации, чем к сюжетным подробностям. Пользователей XXI века сложно удивить сверхдальностью и сверхточностью оружия, как и любителей фэнтези изоощренной магией. И на сцену выходят древние христианские символы. Данте сражается косой, в которой нет ничего волшебного. Она не выкована из серебра на горе в день полнолуния и не сделана гномами в недрах земли. Она лишена магических свойств, не ищет себе жертв сама, как меч Тюрвинг из «Старшей Эдды», и не останавливает кровотечение, как ножны меча короля Артура. Ее сила в другом

– она трофей, захваченный Данте в бою со Смертью. Второй предмет, с которым главный герой никогда не расстается, это распятие, подаренное Беатриче. Помимо своего основного культурно-религиозного кода, оно – семейная реликвия рода его любимой девушки. Здесь можно было бы поговорить о вечных человеческих или традиционных ценностях, но вряд ли эта тема послужила причиной неожиданной актуальности стихов средневекового поэта. Тогда что?

В самом конце XX века в дантоведении появляется новая необычная фигура: Франко Нембрини (род. 1955), педагог и писатель. Он рос в непростых условиях: в семье было десять детей, а отец страдал рассеянным склерозом. С двенадцати лет Франко пришлось работать помощником продавца в чужом городе. Однажды после десятичасового рабочего дня ему велели разгрузить машину.

В своей трилогии «Данте, поэт желания» Нембрини вспоминает: «...у меня не было больше сил работать, но я носил тяжеленные ящики по крутой лестнице и плакал. И вот, в очередной раз поднимаясь по лестнице, я остановился – оттого, что из глубин памяти вдруг всплыла терцина из “Рая”, где пращур Данте Каччагвида предсказывает ему изгнание:

Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням».

Двенадцатилетнему Франко в тот момент показалось, что

он не один. Рядом оказался человек, умерший более шести веков назад, но удивительным образом знающий и чувствующий, что творится сейчас, в конце 1960-х, в душе простого итальянского мальчика.

Этот удивительный духовный опыт мог так и остаться мимолетным переживанием, но Нембрини, став взрослым, выстроил на его основе концепцию. Итальянский исследователь увидел в Дантовом творении интерактивный квест за несколько десятилетий до создания компьютерной игры «Dante's Inferno». В аннотации к книге Нембрини указано, что «Божественная комедия» не просто средневековый шедевр, а живое произведение, предлагающее читателю пройти путь каждого дня и всей жизни на должной высоте, когда «...даже самая ничтожная деталь, каждое слово, любая привязанность, зародившаяся сегодня вечером, или симпатия, возникшая накануне, – всё, даже самое мелкое и незначительное, связано со звездами, бытием, тайной и поэтому спасено».

Франко Нембрини открыл новую страницу в дантоведении. Он начал говорить о «Божественной комедии» с аудиторией совершенно неподготовленной, далекой и от поэзии, и от средневековых реалий. Его книги о Данте стали итогом более чем тридцатилетнего опыта публичных лекций для школьников и домохозяек, с которыми он выступал в Бергамо в школе «Ла Трачча» либо в театре. Он демонстрировал, что «Божественная комедия» – не заумный текст, а приклю-

чение, цель которого понять, как человек может найти в себе силы жить в наитруднейшей ситуации и как научиться быть верным себе, не предавая своих устремлений.

Подобные мысли о творчестве Данте звучат и в лекциях нашего современника – украинского философа Александра Филоненко. По его словам, «Божественная комедия» – это «...книга о том, как взять человека, открывшего страницы, и ввергнуть его из бедственного состояния в состояние счастья. Этот путь и есть задача автора».

Как же все-таки поэту средневековой Флоренции удалось создать такой «интерактивный» текст, цепляющий за живое человека XXI столетия?

Никто не в силах измерить гениальность линейкой и определить в процентном соотношении, как действует на читателя тот или иной литературный прием. Но какие-то тенденции прослеживаются. Первое: как уже говорилось, «Божественная комедия» – стопроцентная «бродилка». Ее мир наполнен богатейшей галереей персонажей и одновременно схематичен, как компьютерная игра. Персонажи, в свою очередь, имеют двойственную или даже тройственную природу: герои дантовского повествования, во-первых, – великолепно выписанные живые люди; во-вторых, они, как правило, – реальные исторические личности; и, в-третьих, они представлены аллегорическими фигурами, воплощающими тот или иной порок или какуюлибо добродетель. Если всматриваться в «Божественную комедию» именно под этим углом, при-

ходит мысль: почему игра «Dante's Inferno» появилась так поздно? Почему не в числе первых компьютерных игр? Хотя на это имеется простой ответ: компьютерная индустрия должна была дорасти до определенного уровня совершенства, прежде чем браться за Данте.

Итак, мы частично разобрались с «декорациями» этого удивительного повествования и с персонажами, составляющими свиту, или кордебалет. Но кто же главный герой?

Отыскивая ответ, мы вновь сталкиваемся с многогранной наполненностью личности, совершенно обычной для персонажей современных книг, включая жанровые, но абсолютно нехарактерной для литературы времен Данте.

Итак, главный герой «Божественной комедии» несет в себе такое же триединство, как и мир, его окружающий. Он – активно действующий, живо представленный на страницах книги человек. Он же – аллегорическая марионетка, мечущаяся между зыбкостью человеческих страстей и стабильностью Божьих заповедей. И он же – бесстрастный автор, создавший героя и наперед знающий его путь.

Последнее обстоятельство привносит в повествование тень искушения. Фигура Данте окутывается ореолом мистики. Известно, что великий поэт упрятывал в ад своих врагов, описывая подлинные обстоятельства их смерти. Описывая... а может быть, предчувствуя или даже создавая?.. Ведь время возникновения черновиков «Комедии» никому не известно. Зато известны строки первого биографа Данте Али-

гьери поэта Джованни Боккаччо:

«Когда творения Данте уже повсюду славились... он шел однажды по улице Вероны мимо дверей, перед которыми сидело несколько женщин, и одна из них сказала, понизив голос:

– Посмотрите, вон идет человек, который спускается в ад и возвращается оттуда, когда ему вздумается...

На что другая бесхитростно ответила:

– Ты говоришь истинную правду: взгляни, как у него курчавится борода и потемнело лицо от адского пламени и дыма».

Сохранились и документы судебного процесса 1320 года против некоего Маттео Висконти, который будто бы хотел извести черной магией папу Иоанна XXII и, не достигнув результата, обратился за помощью к «величайшему магу Италии» – магистру Алигьери из Флоренции. Данте якобы имел и тесные связи с загадочным и зловещим орденом тамплиеров. Скорее всего, это было какое-то обычное сотрудничество, общение, не более того, но оно тоже обросло темными легендами.

К счастью, это касается лишь одной части личности гения. Другая – наполнена светом неземной любви к рано умершей подруге детства Беатриче. Эта любовь выводит поэта из мрака преисподней, через тяготы чистилища, в небесную райскую обитель.

Так все же почему поэма Данте стоит особняком? Ведь

в мировой литературе хватает произведений с элементами квеста. Но именно «Божественная комедия» позволяет пережить своего рода личностный квест, путешествие человека внутри самого себя, в своей душе – от мрака к свету. Не случайно вспомнившийся фрагмент «Божественной комедии» помог дотащить юному Франко Нембрини тяжелые ящики. Не случайно Данте и его шедевр становятся основой сюжета новых книг и темами многочисленных лекций. Постоянно появляются всё новые и новые дантоведы, среди которых наш современник, итальянский ученый, философ и писатель Умберто Эко (1932–2016). Именно он выделил в «Божественной комедии» непривычный «мейнстрим» ада, а в описании рая сумел разглядеть гениальную схему-пророчество новой виртуальной реальности, которая уже существует и в ближайшем будущем коснется всех нас.

Пролог второй. Убить Данте

Такое название, наверное, лучше бы подошло мультипликационному фильму «Ад Данте: Анимированный эпос»⁵, созданному в 2010 году мультипликаторами США, Японии, Сингапура и Южной Кореи, почти одновременно с компьютерной игрой «Dante's Inferno». Кажется, все перипетии сюжета этого эпического аниме преследуют лишь одну цель: увеличить количество батальных сцен и число опасностей, подстерегающих главного героя. Ужасы, с которыми в реальном тексте «Божественной комедии» главному герою чаще всего приходится сталкиваться визуально, вызывая лишь эмоциональную реакцию: «...и я упал, как падает мертвец», в мультипликационном экшене превращаются в бесконечный кровавый интерактив. Таков закон жанра боевика. Трудно втиснуть в эти декорации образ Данте с мрачной гравюры Густава Доре или с портрета работы Сандро Боттичелли в лавровом венке и с гордым профилем мыслителя! Правда, если задуматься, то шедевр Боттичелли плохо вяжется с расхожим стереотипом о том, как должен выглядеть поэт. И правильно. Романтичным «юношей бледным со взором горящим» наш герой никогда не был. Как и кабинетным ученым, ничего вокруг себя не видевшим, кроме пыльных ману-

⁵ «Dante's Inferno: An Animated Epic» (англ.).

скриптов. Создатель «Божественной комедии» ощущал себя больше политиком, чем литератором, и достиг на этом поприще немалых высот, став одним из семи приоров – правителей независимой коммуны города Флоренции. О воинском деле он тоже знал не понаслышке, приняв участие в жестоком Кампальдинском сражении между флорентийцами и жителями Ареццо.

Так, может, анимационный персонаж, лихо размахивающий косою смерти и, в конце концов, побеждающий самого Люцифера, правдивее депрессивного визионера Доре или увенчанного лаврами философа Боттичелли? Однако любой человек, хоть немного разбирающийся в европейской культуре эпохи Возрождения и знающий биографию Данте, пусть даже поверхностно, в сценарии мультфильма «Ад Данте» сразу же найдет грубые ошибки и несоответствия. При этом «дантово» аниме никак нельзя назвать дешевым ширпотребом. К созданию этого фильма продюсеры подошли очень серьезно, пригласив известнейших режиссеров, среди которых Ясуоми Умэцу, автор аниме «Кайт – девочка-убийца»⁶ (1998) и «Красотки-головорезы»⁷ (2002), и Мурасэ Сюко, создатель научно-фантастического аниме «Эрго Прокси»⁸ (2006) и аниме-сериала «Робин – охотница на ведьм»⁹ (пре-

⁶ «Kite» (англ.).

⁷ «Mezzo Forte» (англ.).

⁸ «Ergo Proxy» (англ.).

⁹ «Witch Hunter Robin» (англ.).

мьера в 2002 году). И уж, конечно, вряд ли бы в таком дорогом проекте стали бы экономить на консультантах-дантоведах.

Конечно, все ошибки были сделаны сознательно. Сюжет требовалось адаптировать в расчете на многомиллионную аудиторию, большая часть которой не только никогда не читала Данте, но даже и не планировала делать этого. Перед авторами сценария «Ада Данте» стояла точно такая же задача, как перед любым рядовым сценаристом, работающим в производстве телесериалов: написать историю, которая бы максимально воздействовала на определенную аудиторию. В данном случае – любителей компьютерных игр и боевиков. Нужно было не столько упростить сюжет, сколько расставить в нем немного другие акценты и добавить батальных сцен, тем самым полностью изменив жанр. «Божественная комедия» ведь вовсе не боевик, а вполне мирное, хотя и достаточно эмоциональное путешествие наблюдателя по некоему аллегорическому миру, населенному вполне реальными персонажами. Понятно, что неадаптированный первоисточник для игры и анимационного фильма не сгодился бы.

Как оценивать масштабный труд создателей «Ада Данте»? Как надругательство ради денег над памятником культуры? Как любопытную кавер-версию классики? Или, может, как некий способ миссионерства?

Последняя версия не так уж парадоксальна, ведь сценаристы кровавого мультфильма немногим отличаются от своих

средневековых предшественников, сочинявших назидательные истории для площадных мистерий. В этих постановках христианская мораль и крайняя набожность с легкостью совмещались с разнузданными, почти богохульными фрагментами. В основу какого-либо канонического сюжета вставлялись так называемые дьяблери (дьявольские сцены) или просто бытовые фарсовые сценки. Тем не менее мистерии считались не развлекательным, а просвещающим мероприятием для безграмотного народа, не читавшего Священного Писания.

Таким образом, вопрос о профанации высокого искусства и эстетическом надругательстве над Данте в компьютерной игре и в аниме остается открытым.

Интереснее другое. Почти одновременно с выходом в свет игры «Dante's Inferno» комиссия европейских экспертов под руководством итальянки Валентины Серени решила изъять «Божественную комедию» из всех школьных программ за недостаточную толерантность и «элементы расизма».

Этот факт возмутил многих, в том числе русского поэта и специалиста по Данте Ольгу Седакову. В статье «Дело Данте» она писала:

«Многие годы занимаясь Данте, я была... поражена этим диагнозом (расизм!)...

“Комедия” уже входила некогда в список запрещенных книг, но по другому поводу: ее автор высказывался о современных ему папах и вообще о праве Понтифика на светскую ю

власть таким образом, что иначе как еретичеством это не могло быть названо. Данте был одним из первых, защищавших идею “разделения властей”, духовной и светской: иначе говоря – одним из отцов секуляризма.

Этот проект, осуществившийся в Европе много позже, после Просвещения, предполагает, что общественная жизнь управляется не теократическими законами, а универсальными законами разума и морали, общими, как предполагалось, для всех людей и заключенными в самой человеческой природе.

Обвинение в еретичестве давным-давно снято с “Комедии”. Два ключа – мирской и духовной власти – сохраняются в гербах пап, но о мирской власти Церкви речи уже давно не идет. Иоанн Павел II лично покровительствовал Дантовскому обществу. Теперешнее требование запретить Данте исходит как раз от секуляризма в той его форме, которую он принял к нашим дням».

Вот уж действительно всё в точности, как в поговорке: за что боролись, на то и напоролись! Данте стал авторитетом для римских пап, а современному европейскому обществу его «Божественная комедия» показалась чрезмерно «католической».

За два года до «Дела Данте» Совет Европы потребовал удаления распятий из итальянских школ. Тогда и школьники, и преподаватели вышли на улицы с плакатами «Большинство тоже имеет свои права!». Протестовавшие не считали

себя особенно верующими. Просто они ощутили, что распятия, висевшие в школах много веков подряд, неотделимы от их культурной самоидентификации, и встали на ее защиту.

Современный цивилизованный мир всё чаще называют «постхристианским», но его культурный базис построен на христианских символах. В этом заключен конфликт идей, который прорывается наружу не только на страницах книг и в решениях Совета Европы, но и – увы – в терактах. Ольга Седакова прямо называет в своей статье подобные процессы битвой за Крест. Оружием в этой битве становится христианская культура, воплощенная в книгах, в живописи, в музыке. Вопрос: как пользоваться этим оружием? Хорошо сохранять шедевры в неприкосновенности? Только музей однажды может сгореть, и тогда окажется, что сердца людей – более надежное хранилище. Мы далеки от мысли превознести до небес компьютерную игрушку про Данте, но ведь наверняка многие, поиграв в нее, заглянули в подлинную «Божественную комедию». А если бы создатели побоялись нарушить историческую правду и замысел классика, то охват аудитории оказался бы в разы меньше. Да что там говорить, вообще бы никакой игры не получилось!

Вспоминаются слова Христа: «...если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода»¹⁰.

Так что «убийцы» великого классика могут с легкостью

¹⁰ Ин. 12:23.

оказаться невольными (а может, и осознанными) сеятелями нового интереса к его творчеству.

Биографий Данте Алигьери, как и анализа его «Божественной комедии», за семь с половиной веков уже написано множество томов на самых разных языках. Какой путь должен выбрать создатель новой биографии? Систематизировать все эти почти тысячелетние исследования? Скорее всего, такая систематизация не поместится в одной книге, ведь Данте изучали не только очень долго, но еще и с разных позиций. Кого-то интересовала поэтика, кого-то – библейские сюжеты и модели, кого-то – исторический контекст и психология героев. Есть даже исследование о том, как именно читал и воспринимал Данте Александр Сергеевич Пушкин¹¹. Есть «Разговор о Данте» Осипа Эмильевича Мандельштама, и есть исследование этого «Разговора» авторства Константина Глебовича Исупова. Последний, кстати, отмечает «беспрецедентную торопливость», «с которой возникают первые комментарии к “Божественной комедии” (сыновья Данте, Боккаччо, создавший кафедру по изучению наследия великого соотечественника, что дало повод знаменитому золотых дел мастеру, ваятелю и поэту эпохи Чинквеченто, современнику Леонардо, Микеланджело и Рафаэля – Бенвенуто Челлини, сказать: “...эти толкователи заставляют его (Данте. – А. В.) говорить такое, чего он никогда и не думал”»).

¹¹ См.: Асоян А. А. Пушкин – читатель Данте. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии (РХГА), 2017.

Вина здесь не многочисленных комментаторов, а самого Данте. Уж слишком необычную и многослойную конструкцию ему удалось создать. Каждому, кто проникся ее величием, так и хочется выразить свое к ней отношение, а может, даже поиграть в «Dante's Inferno»? Думал ли Франко Нембрини, что прославится своими лекциями о Данте для домохозяек? Великий флорентиец вошел в его жизнь без стука и пригласил пройти квест по самопознанию.

* * *

Для автора этой книги Данте стал одним из проводников в мир христианства, здесь тоже имело место нечто глубоко личное. Именно это, личное, и сподвигло автора взяться за художественную реконструкцию биографии итальянского гения, чтобы найти для себя ответ всего на одну из многих дантовских загадок. А именно: всегда ли Данте творил в плоскости Священного Писания? Не было ли магическое мышление одним из его искушений? Не пытался ли он влиять на своих недоброжелателей с помощью текста? В «Божественной комедии» описаны страдания и гибель папы Бонифация VIII, французского короля Филиппа IV Красивого, папы Климента V, родственника и смертельного врага Данте Корсо Донати... Скорее всего, печальные события сначала произошли с этими людьми, а потом уже стали сюжетными линиями поэмы, но... точной даты создания каждой из песен

никто не знает. Зато есть упоминание о «величайшем маге Италии», есть связи с тамплиерами, есть некий мистический ореол вокруг личности поэта. Вероятно, он возник как раз из-за темы ада, столь тщательно разработанной в поэме. Но что мог подумать об этом сам Данте, если картинки врагов, мучающихся в аду, появлялись в его воображении все-таки раньше их реальной гибели?

В игре «Dante's Inferno» всё абсолютно честно и примитивно построено именно на магии. Таков формат подобных компьютерных игр. При этом в ней воссоздана абсолютно христианская картина мира, где существуют два пути – две ветви – развития: порок и святость. Именно они и отвечают за умение и навыки игрока. Если покарать врага или заблудшую душу, то вы получите очки опыта в ветвь порока. Если освободить душу, то вы получите очки опыта в ветвь святости. На каждую ветвь приходится по семь ступеней (уровней), повышая их, вы приобретаете себе новые навыки. Кстати, весьма в духе мировоззрения средневекового человека. Но не везде и не всегда XIII век понятен XXI. Поэтому интересно сопоставить два мира Данте: исторический и созданный для современного массового восприятия. Мы попробуем сделать это. От кадров жестокой кровавой анимации перенесемся во Флоренцию, Париж и Равенну времен Данте, пойдем, где создатели компьютерной игры переписали историю и почему.

Глава первая.

Драгоценные шарики

Аниме «Ад Данте» следует сюжету «Божественной комедии», а не биографии ее создателя. Но в самом произведении много биографических черт, и авторы мультфильма увлеченно рассказывают историю Данте и с помощью красочных флешбэков, и путем встреч в аду с некоторыми умершими (как было и в оригинале). Поэтому, чтобы «выпрямить» линию жизни Данте, нам придется выискивать в мультфильме биографические куски и расставлять их по порядку.

Итак, детство. Среди комментариев к игре мне запомнился крик души неизвестного пользователя: «...все нервы потерял на отце дантэ, наверное попытки с 20 только убил» (орфография сохранена. – А. В.). Отец там действительно редкостный подонок, помещанный на богатстве, он зверски избивает мать нашего героя, не забывая при этом издеваться над его желанием стать поэтом. В аниме справедливость торжествует, если это можно так назвать. Нарисованный герой вступает в поединок со своим отцом, побеждает, затем низвергает родителя в кучу золота, где тот показательно тонет.

Как же происходило на самом деле? Характер Алигьеро Алигьери (так звали отца нашего героя), видимо, впрямь имел не сахарный. Сын его недолюбливал и к тому же всю

жизнь стыдился из-за занятия родителя ростовщицеством. Но в то время люди знали и ценили свое родословие намного больше, чем сейчас. Поэтому в противовес «плохому» предку Данте совершенно необходимо было найти «хорошего». И таковой, конечно же, имелся. Согласно семейному преданию, род поэта вел свою историю от знатных римлян Элизеев, основавших Флоренцию. А прапрадед нашего героя, Каччагвида был героем Крестового похода 1147–1149 годов, организованного германским королем Конрадом III. Сам король посвятил Каччагвиду в рыцари, после чего тот погиб в бою с мусульманами. Героический прапрадед и стал предком-гордостью, которого Данте противопоставлял недостойному отцу.

Интересно, что фамилию Алигьери наш герой получил по женской линии. Героический Каччагвида был женат на даме из ломбардской семьи Альдигьери да Фонтана. Имя Альдигьери переделали в Алигьери и назвали им одного из сыновей Каччагвиды, с него-то и началась официальная история рода. Его сын Беллинчоне, дед Данте, пострадал от борьбы гвельфов и гибеллинов, как позже его знаменитый внук. Но дедушке повезло больше: он смог вернуться в родной город после поражения и гибели Манфреда Сицилийского при Беневенто. Это случилось в 1266 году, когда Данте исполнился год.

Кстати, Данте – всего-навсего сокращенный вариант имени Дуранте, столь же распространенного в Италии, как у нас

«Петя» или «Вася». Удивительно, что такой уважаемый человек вошел в историю под неполным именем.

Дуранте Алигьери пришел в этот мир в 1265 году, во времена, когда о загробной жизни думали больше, чем сейчас, и день смерти значил больше дня рождения. Поэтому точной даты появления на свет одного из крупнейших поэтов в истории человечества не сохранилось. Но примерно известно, что это была последняя декада мая. Он сам писал, что родился под знаком Близнецов. Да, в XIII веке люди тоже имели представление о таких привычных для нас знаках зодиака, а сама астрология, очевидно, появилась вместе с человечеством. Во всяком случае, в Вавилоне она точно процветала, а некоторые исследователи относят ее возникновение к периоду так называемой мустьерской эпохи, то есть около сорока, а то и ста тысяч лет назад.

Но вернемся к детству нашего героя. Каким бы «плохим» ни был его отец, он не мог избивать свою жену на глазах Данте, поскольку мальчик матери не помнил. Она умерла очень рано, а его воспитывала мачеха, мадонна Лаппа, о которой ничего плохого сказать нельзя.

Попробуем представить себе отчий дом великого поэта. Хотя зачем представлять, когда можно съездить и посмотреть? Музей Данте располагается в центре Флоренции, в старинном квартале недалеко от церкви во имя святой Маргариты Антиохийской (Санта-Маргерита-деи-Черки). Там, на улочке Санта-Маргерита будущий поэт встретил маленькую

девочку, которую потом прославил в веках.

Дом семьи Алигьери имеет мрачный вид, как положено средневековым строениям, материал тоже вполне аутентичный. Вот только время его постройки относится к началу XX века. Неудивительно. Флоренция постоянно и активно перестраивалась. Это касается даже известных соборов, которые вырастали на фундаментах античных храмов и сильно менялись с течением веков. Что и говорить о частных постройках!

Дом Данте ушел в небытие, возможно, еще при жизни хозяина, ведь жилище изгнанников порой разрушали с назидательной целью. А вновь его решили отстроить из патриотических настроений. В середине XIX века Италия стала единым государством и этому государству срочно понадобилось «наше всё». Помимо масштаба творчества – бесспорного и недостижимого – Данте имел еще один плюс: он не принадлежал безраздельно к какому-либо одному городу, за него боролись родная Флоренция, его изгнавшая, и Равенна, приютившая изгнанника.

Район Флоренции, где когда-то стоял дом семьи Алигьери, был давно застроен новыми зданиями, но к делу подключились историки и археологи. Они достаточно точно установили бывшее местонахождение родового гнезда великого классика. В 1911 году началось его воссоздание.

Сейчас в Доме-музее Данте представлено много книг, монет, керамики и других предметов XIII–XIV веков. Они не

имеют прямого отношения к Данте, но создают атмосферу, помогающую представить быт семьи Алигьери. Семьи ростовщика – человека довольно зажиточного, но не уважаемого обществом. Представим тот, старый дом и мы.

* * *

– Паола, Паола, проснись! А неужели, правда, ростовщики грешнее убийц?

– Ох, и что же не спится тебе? Скоро уж колокол прозвонит, а ты все вертишься!

– Паола, это слишком важно. Как можно спать, когда не дает покоя такой вопрос?

– Как, как... А вот так, – отчаянно зевая, проворчала нянька и решительно укутала мальчика пуховым одеялом. Снова улеглась подле кровати – на пол, застеленный потертыми коврами.

– Мне бы такую кровать, как у тебя, – продолжала она бурчать себе под нос, – я б уж наспалась всласть! И перинка, и балдахин, чтоб мухи не кусали. Так он сам себе покою не дает, хуже мухи! Смотри уж, за окном сереет. Никак и впрямь колокол скоро? Или то луна, не пойму...

Женщина попыталась расположиться на жестком ковре поудобнее, но за перегородкой раздался плач младенца. Кряхтя, она поднялась и поковыляла туда – досмотреть за молодой кормилицей. Паола была старшая служанка в до-

ме Алигьеро Алигьери, потомка легендарного рыцаря Каччагвиды, сраженного кривым сарацинским ятаганом в бою за Гроб Господень. До прошлого года она к тому же официально считалась нянькой хозяйского первенца, Дуранте. Теперь бывший воспитанник не нуждался в опеке, но Паола продолжала, по старой памяти, спать в его комнате.

Нянькины шаги стихли. Издалека слышались воркующие увещевания. Они мягко обволакивали младенческие всхлипы, те затихали, становясь реже. Наконец наступила тишина.

Мальчик пошарил под периной. Осторожно, стараясь не скрипнуть кроватью, встал и подошел к узкому высокому окну, затянутому импанатой – густо наскипидаренным полотном. Ткань промасливали, чтобы сделать прозрачнее, – якобы так лучше проходил свет.

Ничего не лучше. Даже полная луна, стоящая прямо перед окном, давала какую-то невразумительную серость. При этом освещении пять коралловых шариков казались зловеще черными. Может, все же стоит сказать о них отцу?

Его размышления прервали приближающиеся шаги Паолы. Одним прыжком ребенок преодолел расстояние от окна до кровати, но нянька успела заметить непорядок.

– Опять не спишь! Вот патер-то узнает! – грозно начала она, но сразу смягчилась: – Ты бы поспал, Данте, а то гляди, в школе болваном выйдешь, учитель побьет.

При воспоминаниях о школе мальчик сердито засопел:

– Паола, мне уже восемь лет. Изволь называть меня полным именем.

– Успеешь еще поназываться. – Нянька снова безуспешно пыталась укутать его одеялом. – Да и не похож ты пока на свое имечко. Дуранте! Это же значит – твердый, терпеливый. А ты плачешь всякий божий день.

«Гадкие слезы! – думал он, зарываясь лицом в подушку. – Пожалуй, я не смогу объяснить отцу про четки, разрыдаюсь. Тайно подложить ему в комнату? Ну уж нет! Грешник должен понести наказание!»

Коралловые шарики отягощали кулак, будто горсть булыжников. Внезапно тяжесть вышла из руки и разлилась по всему телу. Маленький Данте провалился в сон. Проснулся он уже от колокола, созывающего всех жителей Флоренции на утреннюю молитву.

* * *

Резкий холодный звон разбивал на мелкие осколки полусонные грезы. Дрожа от утреннего холода, мальчик сбежал по крутой лестнице на первый этаж. Все давно встали. Мачеха, мадонна Лаппа, торопливо надевала зеленое драповое манто. Паола завязывала капор на голове сестрички Гаэтаны. Попутно придиричиво оглядывала младенца Франческо, спящего на руках кормилицы. Минута – и все семейство, за исключением главы, выскочило на узкую улочку, по которой

бежали ручейки грязной воды, и помчалось вместе с другими флорентийцами, дабы не опоздать на мессу.

«Опять он пропускает службу!» – со злостью думал мальчик, глядя под ноги, чтобы не ступить в навоз. Соседи Алигьери держали корову, которая частенько бродила по улице, просовывая морду в чужие дворы в поисках травы. В целом она приносила меньший урон, чем стадо свиней с противоположного конца квартала. Те пытались сожрать все, до чего дотягивались. От свинского произвола страдали уличные художники, размешивающие яичные желтки для изготовления красок, и нотариусы, составляющие важные документы на скамьях под навесами. Однажды наглый боров ухитрился сжевать уже готовое завещание. Поднялся ужасный скандал, после которого список наследников значительно укоротился.

...Вместе с толпой маленький Дуранте втиснулся в кафедральный собор Святой Репараты, уже давно признанный слишком тесным для постоянно увеличивающегося населения Флоренции и доживающий свои последние годы. Мальчик забился в боковой неф, где стояла статуя святой, земной путь которой окончился в 12 лет. По преданию, за исповедание христианства девушку бросили в печь, но она вышла оттуда невредимой. Тогда Репарате отрубили голову, и безгрешная душа в виде белого голубя взмыла к облакам.

Коралловые шарики тянули карман. Но еще больше угнетало воспоминание об ужасной сцене, после которой они по-

явились.

Два дня назад Дуранте, возвращаясь из школы, еще с улицы услышал гневный голос отца и внутренне сжался. Тяжелую руку предка его бока знали очень хорошо. Правда, ничего плохого сегодня не происходило. Даже магистр ни разу не замахнулся на него палкой. Но патер в пылу гнева мог припомнить кувшин сладкого миндального молока, выпитый без разрешения на прошлой неделе. А детская находилась под самой крышей, путь туда лежал мимо отцовского кабинета.

Мальчик осторожно переступил порог родного дома и застыл, прислушиваясь к перебранке на втором этаже.

– Сначала умоляете помочь! Валяетесь у меня в ногах, прося денег! Заставляете меня рисковать последним куском хлеба, а потом смеете угрожать адскими муками! – Отец задыхался от гнева. – Вы сами достойны худших из них!

– Я обратился к тебе, как к потомку славного рыцаря, а ты ломишь проценты хуже еврея! – Неизвестный собеседник был разъярен ничуть не меньше. – Где я тебе возьму столько денег? Верну то, что ты мне дал, а лихвой будет эта славная реликвия. Ее кораллы помнят руку святого Франциска!

– На Меркато-Веккьо таких реликвий пруд пруди!

– Ну уж не скажи, – голос незнакомца стал вкрадчивым, – есть многие, которые...

Он перешел на шепот, и Дуранте перестал разбирать слова. Некоторое время слышался лишь глухой бубнеж, давав-

ший некоторую надежду на примирение, но вдруг раздался возмущенный крик отца:

– Так у тебя нет и этого? Сатанинское отродье! Зубы мне пришел заговаривать? Я засажу тебя в тюрьму!

Дверь кабинета распахнулась. Мальчик стремительно юркнул под лестницу, слыша над головой топот и тяжелое дыхание отцовского должника:

– Побойся Бога, Алигьеро. Да и не только его. Сам знаешь, как все любят ростовщиков.

Отцовский голос прозвучал неестественно, будто он декламировал стихи:

– Я всего лишь помог тебе. А ты не выполнил уговора. Так и быть, я засчитаю эту твою дешевку залогом. Но если через неделю не вернешь всего обещанного – лучше тебе не жить.

Поперхнувшись, незнакомец пробормотал ругательство. Потом мрачно произнес:

– Я передумал отдавать тебе эту святыню. Верни ее. И подумай о своих детях. Как бы не остаться им сиротами.

– Да кто ты такой, чтобы угрожать порядочному человеку! – вспыхнул Алигьери-старший. – Отдавай живо четки и проваливай. И без денег...

Его перебил поток проклятий, потом лестница задрожала от жестокой борьбы, происходящей на ней. На голову Данте посыпались коралловые шарики. Потом по ступеням вниз пронесся рослый черноволосый бородач и, хлопнув дверью, выскочил на улицу.

Наверху отцовские шаги зашаркали, приближаясь. Мальчик съежился в своем убежище. Если патер заметит его, то наверняка накажет за подслушивание, как однажды уже было. Хотя о каком подслушивании можно говорить, если они кричали на весь дом?

Шаги замерли на краю лестницы, потом начали удаляться и затихли в кабинете.

Красные коралловые шарики лежали на каменном полу под лестницей. Четыре маленьких и один побольше. Приятные на ощупь, они напоминали планеты, о которых говорил учитель в школе. Следовало отдать их отцу, но Данте боялся напоминать о себе в связи с такой неприятной историей. Оставлять их лежать под лестницей тоже нельзя – маленькая Гаэтана обязательно найдет и может проглотить. Если только улучшить момент, когда отцовский кабинет будет открыт, и подложить их тайно. Пока он сунул шарики себе в карман.

А на следующее утро в церкви проповедник говорил о грехе ростовщичества, который бывает хуже убийства. Дуранте совсем потерял покой. То он решал вовсе не возвращать кораллы – может, тогда отец, пострадав от их отсутствия, немного искупит грех. То боялся за себя – не станет ли он в этом случае вором? Но больше всего страшили слова дюжего бородача, угрожавшего оставить детей Алигьеро сиротами. Дуранте не любил отца, тот не скупился на тычки и бранные слова, но все же чувствовалось: сын ему небезразличен. А мачеха – мадонна Лаппа – та едва замечала маль-

чика. Своей матери Данте не помнил. Она умерла, когда ему исполнилось два года. Единственным человеком, с которым он привык разговаривать обо всем, была Паола.

...Звуки григорианских песнопений величественным пологом накрыли суетную толпу, собравшуюся в храме.

«Все же надо рассказать о шариках Паоле, – думал мальчик, – жаль, я еще не могу исповедоваться. А может, наоборот, хорошо. Как говорить о таком священнику? Бедные взрослые...»

После окончания мессы, благостные и неторопливые, все двигались домой. Вдруг послышались отчаянные крики. Из переулка выбежало несколько человек. В одном из них Дуранте, к своему ужасу, узнал чернобородого отцовского должника. Он несся прямо на мальчика, сверкая выпученными глазами, белки которых покраснели. Огромная ручища сжимала обнаженную шпагу. Сейчас проткнет и – конец...

Данте съежился и закрыл глаза.

– Чего напугался? – Рука Паолы тормозила ласково, но энергично. – Ему не до тебя, его самого ловят. Смотри!

Огромная фигура, подпрыгивая, скрылась в узкую щель между домами. Следом полезли стражники и любопытные обыватели. Через площадь медленно проехал гонфалоньер со знаменем – красные ключи на желтом фоне. Это значило, что в городе произошло крупное происшествие: вооруженная стычка между кварталами или еще хуже – попытка мятежа.

Весь день Данте провел беспокойно. Ночью ему приснился сон: бородач захватил власть во всей Флоренции и распорядился повесить каждого, у кого нет кораллового шарика. Пришли проверять. Мальчик протянул на ладони свои, но прибежала Гаэтана и схватила шарики. Маленькие съела, а большой отдала младенцу Франческо. «Ха-ха-ха! – захохотал бородач. – У мальчишки нет кораллов. Повесьте его, но перед этим хорошенько подвергните пыткам, ибо он совершил кражу священной реликвии!»

Наутро у Данте обнаружился сильный жар и его оставили в постели. Паола побежала на Меркато-Веккьо за свежим молоком. Вернулась она с последними новостями: бородач пойман, это не кто иной, как пополанин¹² Буаноконте Строцци. Он стоял во главе заговора, который готовился гибеллинами, изгнанными из Флоренции.

– Что с ним теперь сделают? – спросил Данте, дрожа то ли от лихорадки, то ли от страха.

– Язык вырвут, не иначе, – охотно объяснила Паола, обтирая край кружки самым чистым из углов своего фартука. – И то верно. С таким грешным языком ему уж точно не попасть в Царство Божие.

Мальчик, ежась, отхлебнул теплого молока:

– Он может и без языка сделать что-нибудь ужасное.

– Э-э нет! – Паола торжественно подняла палец. – Господь

¹² Пополаны (от *ит.* popolo – народ) – так в Центральной и Северной Италии называли ремесленников и торговцев.

не станет помогать гибеллинам, уж поверь мне. Они ведь идут против Его воли, когда помогают императору против папы. А Ему сверху все хорошо видно!

На следующий рыночный день, ровно в полдень, в конце квартала послышался оглушительный собачий лай. Псы яростно облаивали какую-то процессию. По мере приближения к дому Алигьери становились слышны людские голоса и даже вопли. Дуранте, уже почти выздоровевший, спустился на улицу.

Он сразу узнал отцовского должника, хотя тот сильно изменился. Буаноконте Строцци шел, сильно хромя, один глаз заплыл, лицо почернело от огромных синяков. Его вели, поддерживая, четыре стражника. Одновременно защищали от посягательств сопровождающих зевак. Те так и норовили то толкнуть преступника, то плюнуть на него. Одна весьма дородная дама, улучив момент, ткнула несчастного кухонным ножом. Все остальные отреагировали одобрительным ревом.

Данте содрогнулся от отвращения и хотел вернуться к себе под крышу, но его ноги сами двинулись вслед ужасной процессии. Шествие долго двигалось по улицам. Прошло мимо Меркато-Веккьо – городского рынка, после которого толпа заметно увеличилась. Мимо церкви Святой Маргариты, проводившей преступника звоном колоколов. Наконец впереди показались серые городские стены и виселицы, на которых болтались тела казненных, полусъеденные птица-

ми. От некоторых почти ничего не осталось. Рядом на стенах виднелись искусно нарисованные фигуры людей – заочно осужденные, находящиеся в бегах.

Ругательства и оскорбления, сопровождающие преступника на протяжении всего пути через город, разом стихли. Мрачная картина заставила всех вспомнить о собственных грехах. Окруженный стражниками опальный гибеллин медленно шел к виселице, недавно сколоченной из свежеструганных досок. Отныне каждый шаг его имел особое значение, поскольку из этих последних шагов состояла теперь вся его оставшаяся жизнь.

– И ты, постреленок, уже здесь! – Паола схватила мальчика за плечо, стремясь удержать, словно одно небольшое движение в направлении виселицы могло стать для него роковым. От няньки кисло пахло винным перегаром. Данте прижался к ее толстому животу, продолжая неотрывно наблюдать за происходящим.

– Сейчас на него наденут белую рубашку, – зашептала Паола, – и поминай как звали! Здесь во Флоренции не дают драться с палачом. А вот в одном городке, где я работала девочкой, был такой обычай. Ежели повалишь палача на землю – тебя сразу оправдают. Этот бы точно повалил, такой дюжий... Хотя это если только Бог поможет, а Он не помогает гибеллинам. Во Франции, говорят, девушкам позволено брать осужденных в мужья. Если кто возьмет, тогда не вешают. Жаль, я давно не девушка. О! Смотри, какие у него

сильные плечи! А какие красивые ноги! Зачем он не родился гвельфом?

Переодевание закончилось. Судья огласил приговор. За участие в заговоре и подстрекательство к мятежу пополанин Буаноконте Строчи приговаривался к смерти через повешение. Несчастный, встав на колени, принял последнее причастие. Затем последовало исполнение приговора.

Казалось, время замедлилось. Так тягуче тянулись последние минуты, пока преступник поднимался по ступенькам и ему вдевали голову в петлю. Даже когда у него из-под ног выбили лестницу – казалось, она падает плавно, будто перышко. И тут петля затянулась и все изменилось. Будто стрелка башенных часов вдруг пустилась вскачь. За мгновение Данте успел увидеть мелькание тысячи выражений на лице повешенного, затем их сменила судорога смерти. Понеслись страшные хрипы. Мальчик, не в силах смотреть, зарылся лицом в нянькину рубаху.

По дороге домой Дуранте долго молчал. Потом спросил Паолу:

– Алигьери ведь не гибеллины?

– Еще чего выдумал! Конечно, вы – гвельфы. А то бы я не работала в вашем доме.

– А откуда они взялись?

– Кто? Гвельфы или гибеллины?

– И те и эти.

– Ты разве не знаешь? Это пошло с тех времен, когда мес-

сир Буондельмонте обещал жениться на дочери другого мессира – Одериго Джантруфетти. А жена мессира Донати, коварная мадонна Альдруда, уже задумала выдать за него свою дочь. И вот она увидела Буондельмонте в окно на улице, вышла нарядная на балкон своего дворца и говорит: «Зайди, у меня что-то есть для тебя». Он зашел, а она привела к нему дочку и говорит: «Это тебе. Бери ее в жены, не правда ли, она красива, как королева?» Тот смутился, он не мог нарушить обещания, данного Джантруфетти. Но Альдруда сказала: «Можешь. Я заплачу им пеню». И он согласился. Девушка была удивительно хороша. А мессир Одериго почувствовал себя смертельно оскорбленным, ведь его дочь пренебрегли. Он пожаловался друзьям из знатного рода Уберти, и они вместе порешили убить вероломного изменника прямо во время свадьбы. Так брачный пир потонул в крови и началась вендетта между Буондельмонте и Уберти. А они имели огромную силу, и от их войны весь город раскололся на две части.

– Эти коварные Донати, конечно, были гибеллины? – спросил мальчик.

Служанка отмахнулась:

– Кто сейчас уже это помнит? Полвека прошло с тех пор.

«Странно все это, – думал Данте, – если они поссорились из-за невесты, при чем тут император и папа? А отец... получается, он помогал врагу... да нет, почему же помогал, он просто искал для себя выгоды. Или все же хотел помочь? И

эти шарики? Части святыни, украденные неблагодарным сыном, или никчемные безделушки?

Голова грозила лопнуть от обилия тяжелых мыслей.

– Паола, – начал мальчик, – ты должна выслушать меня, как если бы ты была священником.

– Что за ересь ты несешь, – недовольно проворчала та, – к тому же слушать мне сейчас некогда: пора варить похлебку.

– Но, Паола...

– Потом, потом...

Короткие южные сумерки уже готовились выйти из тени оливковых рощ, когда старшая служанка, наконец, нашла время.

– Немедленно иди к отцу, – велела она, дослушав.

Дуранте потупился.

– Думаешь, выдерет розгами? – подмигнула Паола. – Ничего не бойся. Это, наоборот, хорошо. Если у тебя есть грех – отцовское наказание его смоем. Лучше ведь один раз пострадать, чем потом вечно мучиться в аду.

На дрожащих от страха ногах мальчик поднялся из кухни в кабинет отца. Патер находился в превосходном расположении духа. Он сидел за своим любимым резным столиком, потягивая вино из кружки и рассказывая соседу Гвидо о Божественном Промысле.

Вообще-то провинившимся детям следовало подходить к отцу без свидетелей, но присутствие постороннего давало надежду на снисхождение. Данте притаился за дверью, соби-

раясь с силами.

– Если будут наступать на меня злодеи, противники и враги мои, чтобы пожрать плоть мою, то они сами преткнутся и падут, – гудел голос Алигьери-старшего, – видишь, все сказано в Писании. Совпадений не бывает.

– Я говорю не о совпадениях, – возразил сосед, – те случаются, когда не ждешь. Но казнь Строщи трудно назвать неожиданной.

Алигьери усмехнулся:

– На то и рука Господня, чтобы вести путями закономерности тех, кто достоин этого.

Последние слова явно задели гостя.

– С каких это пор лихоимцы стали особенно достойны? – пробормотал он немного невнятно.

Хозяин, однако, и не думал смутиться:

– Вовсе не достойны. Ибо сказано в Писании: «...не общаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником или лихоимцем... с таким даже и не есть вместе»¹³. Угощайся, кстати. Этот цыпленок особенно хорош с кардамоном.

Дуранте, вновь погрузившийся в тяжелые мысли, забыл, что он прячется, и громко шаркнул башмаком.

– Кто там?! – крикнул отец.

Прятаться дальше стало бессмысленно. Мальчик вошел и решительно протянул на ладони пять коралловых шариков:

– Вот. Я нашел их под лестницей.

¹³ 1 Кор. 5:9–11.

Жесткая рука патера схватила его за подбородок:

– Когда нашел? Сейчас?

Сын, преодолев искушение кивнуть, тихо ответил:

– Несколько дней назад. Я их спрятал. Вдруг сестрица проглотит. Или подметут.

– Почему не принес мне сразу?

– В тот день вы были заняты. А потом я уже боялся.

– Чего боялся?

– Ну... они ведь дорогие, наверное. Вдруг вы бы подумали, что я украл.

– А теперь больше не боишься? – хохотнул отец.

– Боюсь, – ответил Данте, – но адские муки страшнее.

– Молодец! – Алигьеро, отпустив подбородок, взъерошил сыну волосы и гордо сказал: – Вот какой у меня первенец!

Отпил еще вина и велел мальчику:

– Забирай их себе. Особой ценности они не представляют, а тебя нужно наградить за твою честность.

Так коралловые шарики остались у Данте. В летние праздничные дни он часами играл с ними в крохотном садике между домами. Там росло два деревца – лимонное и апельсиновое. Под одним из них мальчик вырыл небольшую ямку и с помощью конуса из куска грубой кожи придавал ей форму перевернутой пирамиды. Глинистая почва не позволяла его творению осыпаться. На стенках Данте разместил на разных расстояниях четыре мелких шарика, а в сужающуюся воронку положил большой. Это была Земля, а вокруг нее ходили

планеты. На закате, когда город затихал, мальчик сидел на корточках и долго неотрывно смотрел в темную ямку. Ему казалось, будто он владеет целым миром, подобно Богу...

* * *

...Мы можем нарисовать портрет Алигьеро Алигьери лишь приблизительно. Но все же контакта с сыном ему явно не хватало, иначе бы наш герой был добрее к своему родителю. В то же время он поместил ростовщиков в своем аду в один круг с содомитами и богохульниками не из-за обиды на отца, а по другой причине. Церковь в те времена называла ростовщичество противоестественной деятельностью – «*contra natura*», то есть «против природы», противоестественной, как и однополую любовь и оскорбление Творца. Существа, «пренебрегшие самой природой», вот за кого почитались в христианском мире XIII века люди, дающие деньги в рост.

Что касается няньки Паолы, то никаких сведений о такой нет, но в зажиточных аристократических семьях дети сразу же после рождения отдавались кормилице, и потом до семи лет родители не особенно интересовались ими. Поэтому маленькие аристократы часто мелькали где-нибудь возле прислуги.

Конечно, какая-то нянька у Данте была, и с очень большой долей вероятности она имела с воспитанником более довери-

тельные отношения, чем законная родительница, в данном случае – мачеха. Интересно, что в семьях с родной матерью расклад оставался примерно таким же, если еще не хуже. Дело в том, что к детям в средневековой Европе относились совсем не так, как сейчас. Детства в современном понимании не существовало. В бедных семьях ребенка как можно раньше заставляли работать, ведь содержать лишний рот было накладно. Но и при богатых родителях беззаботности малышам не доставалось.

Они ценились как наследники, но вопрос их количества тяготил любую семью. С одной стороны, отсутствовала контрацепция, с другой – была высока детская смертность. Никакой возможности планирования деторождения не существовало, а многодетность, как и бездетность, отражалась тогда на жизненном укладе намного болезненнее, чем в наши дни. Не иметь наследников равносильно проклятию, о чайлдфри в те времена никто и не слыхивал. В то же время слишком большое количество детей еще хуже – предстоит дележ имения, обязательно найдутся смертельно обиженные. Отсюда и происходило некоторое обезличивание ребенка: Бог дал, Бог взял, лучше ни к кому не привязываться слишком сильно.

Был и еще один, весьма неожиданный для современного человека, момент в восприятии детей. Взрослые стеснялись и опасались хаотичной «звериной» детской природы. Считалось, что «неокультуренное» поведение детей искажает и

унижает образ Божий, присутствующий в каждом человеке. Казалось бы, парадоксальная ситуация – ведь именно в Евангелии сказано: «Будьте как дети»¹⁴. Но средневековые педагоги так не считали, сводя основные аспекты воспитания к «улучшению» детской природы. Родительская строгость считалась формой служения Господу, а детское непослушание объяснялось тем, что в дитя вселился бес и его нужно выбить, даже если при этом ребенок получит травму. Есть документальные свидетельства антигуманного отношения к детям, например, автобиографическая книга «Счет жизни» младшего современника Петрарки, Джованни Конверсини да Равенны¹⁵. Вспоминая годы учения, автор рисует ужасающую картину педагогики позднего Средневековья: «Молчу о том, как учитель бил и пинал малыша. Когда однажды тот не сумел рассказать стих псалма, Филиппино высек его так, что потекла кровь, и между тем как мальчик отчаянно вопил, он его со связанными ногами, голого подвесил до уровня воды в колодце... Хотя приближался праздник блаженного Мартина, он [Филиппино] упорно не желал отменить наказание вплоть до окончания завтрака». В итоге мальчик был извлечен из колодца полуживым от ран и холода, «бледным перед лицом близкой смерти».

Так выглядел родительский и учительский долг во време-

¹⁴ Мф. 18:3.

¹⁵ *Джованни Конверсини да Равенна* (1343–1408) – один из первых гуманистических педагогов.

на нашего героя. К счастью, нянькам за их незначительностью ничего подобного не предписывалось, поэтому именно они, а не родители, могли не то чтобы баловать детей, но хоть с какой-то теплотой общаться с ними.

Глава вторая. Девочка и предательство

Ну какой же Данте без Беатриче?! Ее образ пронизывает всю «Божественную комедию», да и вообще всю жизнь поэта. В аниме «Ад Данте» она становится его любовницей, но при этом остается «чистой душой». Такого расклада в средневековом мировоззрении не могло сложиться никоим образом. Женщину тогда оценивали не как человека, а как некую философскую категорию. С одной стороны, это была грешная Ева, склонившая Адама к первородному греху, с другой – непорочная Мария, родившая Спасителя. Две эти ипостаси никогда не смешивались, разве только грешница могла получить прощение благодаря заступничеству святых.

Итак, мультипликационная Беатриче довольно спокойно отдается Данте под романтической сенью деревьев, а тот, уходя в Крестовый поход, обещает по возвращении взять ее в жены. Ничего подобного не могло произойти, иначе бы образ Беатриче не приобрел бы ореола святости, сияющего до сих пор. Да и наш герой в рядах крестоносцев – чисто продюсерский ход с целью прибавить персонажу боевика харизматичности. В действительности, последний, девятый Крестовый поход на восток закончился, когда Данте едва исполнилось семь лет. В этом возрасте он еще не знал Беатриче. Знаком-

ство с ней ожидало его двумя годами позднее...

Какой же была реальная Беатриче, Биче, как иногда уменьшительно называл ее наш герой в своих текстах? Одна из самых известных женских персонажей в литературе, получившая свою «звезду» на астрономической аллее славы – в ее честь названа борозда Беатриче на Плутоне. И в то же самое время обычная, ничем не выдающаяся женщина. Кто она?

Стопроцентно верного ответа на этот вопрос не существует, но есть общепринятая версия, которую за давностью лет привыкли считать правдой. Согласно ей полное имя музы Данте Беатриче ди Фолько Портинари, дата рождения – апрель 1266 года, дата смерти – 9 июня 1290-го. Ее отцом был уважаемый человек, банкир Фолько ди Портинари. Пустил в мир эту версию Боккаччо, который якобы узнал о ней из первых уст, от троюродной сестры Беатриче монны Лаппы, урожденной Портинари. Эта монна Лаппа приходилась матерью мачехи самого Боккаччо, из чего можно предположить, что сведения получены Боккаччо из надежного источника. Почему тогда нельзя назвать эту версию бесспорной? Дело в том, что в дантоведении есть традиция не до конца доверять Боккаччо по причине его богатой художественной фантазии, которую он проявлял при написании биографии Данте.

Точный факт в том, что Фолько Портинари жил по соседству с семьей Алигьери. Есть документальные подтверждения тому, что он не был коренным флорентийцем, а пере-

ехал во Флоренцию из Портико-ди-Романьи. Помимо Беатриче у него было еще шестеро дочерей. Он прославился благотворительностью, основав и щедро жертвуя больницу Санта-Мария-Нуова во Флоренции.

До сих пор существование Беатриче продолжает считаться недоказанным, хотя о ней знает каждый образованный человек. Ученым не хватает документальных подтверждений, строки писателей в расчет не принимаются. Хотя упоминание о музе Данте встречается во вполне прозаическом документе – завещании Фолько ди Портинари от 1287 года. Там есть такая фраза: «...item d. Bici filie sue et uxoris d. Simonis del Bardis reliquite... lib. 50 ad floren» – «Биче, его дочь и жена Симона деи Барди наследует...»

Да, прекрасная дама вышла замуж за человека своего круга – банкира деи Барди по прозвищу Мона. По одним сведениям, это произошло в январе 1287 года, по другим – намного раньше, когда она еще была девочкой-подростком.

Последнее предположение основывается на новых находках в архиве династии Барди. Недавно там обнаружился документ 1280 года, касающийся продажи Симоне своему брату участка земли, которая производится с согласия «его жены Беатриче».

Симоне деи Барди совершенно точно имел детей – не менее троих, – но вот родились ли они от Беатриче или от следующей жены, которую звали Билия (Сибилла) ди Пуччо Де-чаиоли, неизвестно.

Смерть Беатриче принято объяснять тяжелыми родами, хотя есть сведения о том, что она в целом имела слабое здоровье. В принципе, одно другого вовсе не исключает, даже наоборот.

Традиционно считается, что могила музы Данте находится в церкви Санта-Маргерита-деи-Черчи, неподалеку от домов Алигьери и Портинари, там же, где похоронены ее отец и вся семья. Именно здесь находится мемориальная доска. Однако вдумчивые исследователи подвергают эту версию глубокому сомнению. По обычаю женщину хоронили в родовой гробнице мужа, а не отца. Тогда это оказалась бы церковь (базилика) Святого Креста (Санта-Кроче), находящаяся рядом с капеллой Пацци. Именно туда Данте и ходил оплакивать потерю возлюбленной.

* * *

Апрель 1274 года выдался холодным и пасмурным. Воды Арно будто потемнели и потяжелели. Временами поднимался ветер, и тогда отражения исчезали под серой рябью, одним своим видом заставляющей прохожих ежиться и плотнее закутываться в плащи и манто.

– Как же праздновать Календимаджо¹⁶ по такому холоду? – беспокоились флорентийцы.

¹⁶ В Италии праздник наступления весны (*um. Calendimaggio*).

В городе царило уныние. На Меркато-Веккьо торговля шла из рук вон плохо – все ждали теплых дней. Каминны не топили, поскольку по календарю давно наступила весна. Школьный магистр, замерзший и злой, уже несколько раз подряд ломал свою трость о спины учеников. Дуранте Алигьери, которому уже шел десятый год, в эти дни не раз испробовал на себе учительское недовольство. Он любил помечтать на уроках, а это невинное развлечение не помогало отвечать на внезапные каверзные вопросы.

23 апреля выпал снег.

– Прогневали мы Господа, не иначе! – сокрушались флорентийские кумушки и скрепя сердце покупали в церкви лишнюю свечку. Им казалось, будто множество огоньков в храмах принесут городу долгожданное тепло. Так и случилось. В последнюю апрельскую неделю выглянуло солнце. Холод мгновенно позабылся. Теперь все думали только о грядущем Календимаджо, празднуемом в первый день мая. Флорентийские кварталы, предпраздничная суета. Во дворах сооружали беседки для праздничного угощения (корти), плели гирлянды. Судачили о том, где в этом году посадят ритуальное дерево, а главное – кого выберут майскими королем и королевой.

– Они танцуют весь день, а потом становятся мужем и женой, но только до восхода солнца, – объяснила Паола своему бывшему воспитаннику.

– Разве их венчают по другому обряду? – удивился маль-

чик. Он помнил чин брака, который ему не раз приходилось слышать на свадьбах родственников. Жених с невестой клялись не разлучаться «во все дни жизни», а вовсе не на одну ночь.

Нянька засмеялась:

– Их вовсе не венчают. Такое позволяется лишь раз в году и только майскому королю с королевой.

– Но это ведь грех, – произнес Дуранте полуутвердительно. Подумал и спросил: – А как выбирают майского короля? Меня могут выбрать, когда я вырасту?

– Могут, – пообещала Паола и замурлыкала себе под нос швабскую песенку, которую знала с юности. В былые времена судьба нередко заносила старшую служанку Алигьери в разные концы Европы, от Парижа до рейнских берегов.

Chramer, gip die varwe mir
die min wengel roete,
damit ich die jungen man
an ir dank der minnenliebe noete.
Seht mich an, jungen man!
Lat mich iu gevallen!

Мальчик не понимал слов, но по хитрым Паолиным глазам догадывался, что песенка не совсем приличная. Он был недалек от истины. Текст означал примерно следующее:

Торговец, продай мне румяна,

чтобы накрасить щеки,
пусть алый румянец поможет
завлечь молодого парня.
Взгляни на меня, красавчик!
Чарам моим поддайся!

На следующий день Флоренция закружилась хороводом праздничных нарядов и цветочных гирлянд. В садиках и на корти звенели лютни, пелись песни. Семейство Алигьери на этот раз вышло из дома в полном составе. Правда, глава семьи гулял по улицам вместе с супругой и детьми совсем недолго, тут же осев с кружкой вина под одним из навесов возле дома богатого патриция. Жена Алигьери, мадонна Лаппа, быстро нашла утешение неподалеку, в компании соседок, поглощавших сладкие пирожки.

Дуранте слонялся, разглядывая стены, украшенные коврами и яркими тканями. Хозяйки вывешивали их, хвалясь друг перед другом, так что рябило в глазах. Только дворец богатого банкира Фолько Портинари, находящийся в соседнем переулке от дома Алигьери, почему-то забыли украсить.

Надежда встретить на улице кого-нибудь из знакомых мальчишек таяла с каждым шагом. Все дети исчезли, будто их украли внезапно набежавшие цыгане. Скучая, мальчик дошел до площади перед церковью Святого Мартина (Сан-Мартино-дель-Весково), где вокруг музыкантов собралась целая толпа. Девушки в цветочных венках, разряженные кавалеры, потехи ради нацепившие шутовские колпаки, – все

отплясывали тарантеллу – танец, который завезли во Флоренцию бродячие музыканты с юга. Раскрасневшиеся лица бешено кружились, словно планеты, затеявшие нечеловеческий хоровод. В какой-то момент мальчику показалось, что он вознесся над ними и созерцает всю историю рода человеческого, но музыка смолкла. Задышающиеся и счастливые танцоры покидали круг, разбиваясь на группки или пары. В этот момент из переулка вышла девочка в алом платье и закричала:

– Приглашаем в дом Портинари! Идите к нам праздновать. Отец будет рад видеть всех!

Пестрая толпа тут же с радостным гвалтом хлынула в переулок. Данте остался один на площади. Девочка в алом платье подошла к нему:

– Ты не хочешь идти к нам на праздник?

Мальчик покачал головой.

– Почему?

Отвечать не хотелось, но она терпеливо ждала. Наконец, не выдержав, он честно сказал:

– Твой отец – банкир. А давать деньги в рост – большой грех.

Девочка звонко рассмеялась:

– Ты просто не знаешь! Банкиры никогда в жизни не займутся ростовщицеством. Если кто-то из них это сделает – его тут же с позором выгонят из гильдии. Пойдем со мной, ничего не бойся.

Вот, оказывается, куда подевались дети с улиц! Целая толпа мальчиков и девочек резвилась вокруг длинных столов с закусками, накрытых прямо на траве внутреннего двора, среди роз и азалий. Взрослые гости с изящными кубками в руках расположились на плетеных стульях в одной из галерей. Дуранте не относился к любителям поесть, но яства, одновременно вкусные и необычные на вид, увлекли его. Особенно впечатлил пирог, скрывающий под тонкой корочкой целую стаю мелких жареных птичек. Но более всего его захватила беседа с девочкой в алом платье, дочерью хозяина дома. Ее звали Беатриче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.